

3. Против упадничества. Против есенины, М. : Правда; Беднота, 1926. С. 5.
4. Балдаев Д. Есенин// Балдаев Д. Словарь блатного воровского жаргона: В 2 т. Т. 1. М., 1997. С. 124.
5. Шаламов В. Есенин и преступный мир// Шаламов В. Колымские рассказы. Кн. 2. М., 1992. С. 50-53.
6. Там же. С. 50.
7. Терц А. Отечество. Блатная песня... // Нева. 1991. № 4. С. 166.
8. Там же. С. 168.
9. Сафонов В. Есенин на фронтах Великой Отечественной. Рязань, 1995. 72 с.
10. Книга памяти народной// И тебе я в песне отзовусь... : Сб. Рязань, 1986. С. 31.
11. Там же. С. 42.
12. Там же. С. 43.
13. Иванов Г. Есенин// Сергей Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников. М., 1995. С. 145.
14. Штейн Э. Поэзия Есенина в лагерях ДИ-ПИ// Столетие Сергея Есенина, Есенинск. сб. Вып. 3. М., 1997. С. 452.
15. Штейн Э. Поэты русского зарубежья о Есенине// Столетие Сергея Есенина: Есенинск. сб. Вып. 3. М., 1997. С. 327, 333.
16. Книга памяти народной // Указ. соч. С. 34.
17. Там же. С. 34-35.
18. См. об этом: Сафонов В. Указ. соч. ; Тиховодов А. У матери Сергея Есенина в 1944 году (из воспоминаний лейтенанта)// Есенин С. А. Творческая индивидуальность. Художественный мир. Рязань, 1982. С. 181-185.
19. Башков В. Плачет где-то иволга... : Новеллы, этюды, эссе. М., 1986. С. 25.
20. Терц А. Указ соч. С. 169.
21. Шаламов В. Указ соч. С. 52-53.
22. Топоров А. С. Есенин. «Письмо от матери». «Ответ» // Топоров А. Крестьяне о писателях. М., 1967. С. 338.
23. Венок Есенину: Сб. Калининград, 1996. С. 6.
24. Есенин С. Русская боль: Сб. М., 1995. 704 с.
25. Жизнь Есенина: Рассказывают современники. М., 1988. С. 356.
26. Там же. С. 535.
27. Шаляпина И. Из «Воспоминаний об отце»// Я в песне отзовусь... : Воспоминания, размышления, эссе, стихи о Сергее Есенине. Челябинск, 1989. С. 116.
28. Шубникова-Гусева Н. Кудрявый гений русской поэзии// Библиотека. 1995. № 7. С. 68-71.

*Мария Анатольевна ГРОШЕВА –  
ассистент кафедры английского языка  
ФРГФ, соискатель при кафедре  
английской филологии СПбГУ*

УДК 802. 035+801. 52

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ  
АНАЛИЗ ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫХ  
СЛОВСОЧЕТАНИЙ В РУССКОМ  
И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

*АННОТАЦИЯ. В статье обсуждается функциональное соотношение типовых глагольно-именных конструкций, обнаруживающих лексико-синтаксический параллелизм в русском и английском языках. Если в прагматическом аспекте их функции в*

двух языках почти совпадают, то с точки зрения стилистики и узуального употребления они занимают различное положение в языковых системах.

*The article discusses functional correlation between model verb-noun phrases, which have parallel lexical and syntactical structures in the Russian and English languages. On the one hand their pragmatic functions nearly coincide, on the other hand they differ in use and according to their stylistic value.*

Объектом нашего исследования являются глагольно-именные речения в русском и английском языках в переводоведческом аспекте. Выбор темы обусловлен параллелизмом в синтаксических структурах типа «*to give a look*» и «*бросить взгляд*» в двух языках и общностью их лексического наполнения, что дает основание предположить наличие инвариантного смысла в этих словосочетаниях на самом низком синтаксическом уровне эквивалентности, а также большой продуктивностью данной структуры в обоих языках. Отмечается, что семантика синтаксической структуры наслаивается на лексические и морфологические значения словосочетаний и предложений, являясь, таким образом, элементом смысла, который не должен быть упущен на этапе переводоведческого анализа текста [1; 3; 8]. Некоторые ученые называют такие словосочетания типовыми, поскольку они соотносятся по значению с однословным глаголом — деривативной основой существительного, что и дает основание выделить их в отдельную группу, обладающую специфическим значением [5:36; 2]. Принадлежность к группе определяется по двум, предложенным Н. И. Еремеевой, диагностирующим трансформациям:  $to\ V\ Nv \rightarrow to\ n$  и  $V\ Nv \rightarrow to\ perform\ the\ act\ of\ n\text{-}ing$ .

Целью работы является определение соотношения глагольно-именных словосочетаний данного типа в двух языках с точки зрения их функциональной равнозначности, выявление наиболее типичных функциональных соответствий этим словосочетаниям в каждом языке, а также лингвистическое обоснование закономерностей, определяющих их выбор.

В рамках настоящей статьи мы рассмотрим соотношение языковых функций конструкций  $V\ Nv$ , обнаруживающих лексико-синтаксический параллелизм, в прагматическом и стилистическом аспектах значения.

Использование той или иной синтаксической структуры, на наш взгляд, непосредственно связано с расстановкой смысловых акцентов в предложении, формированием его смыслового центра, а также с выбором формы выражения содержания. Именно с этими аспектами построения речевого высказывания должен быть связан переводоведческий анализ названных структур, поскольку в денотативном аспекте словосочетание и соответствующий однословный глагол не обнаруживают существенных расхождений ни в русском, ни в английском языке. Это можно обнаружить, применив к изучаемым словосочетаниям теорию семантической модели анализа и порождения речевых высказываний А. К. Жолковского и И. А. Мельчука.

В свете этой концепции в словосочетаниях типа *to give a look*, *to give a sniff* и *бросить взгляд*, *отдать приказ* глаголы выполняют формальные лексические функции Oper1 и Oper3, и их роль фактически сводится в данном случае, по мнению авторов, к лексическому оформлению субъектного синтаксического отношения. Отглагольные существительные представляются в виде лексической функции (эквивалентная замена) So (io) со значением имени действия, поскольку *look*, *sniff*, *взгляд* — это синтаксические дериваты глагола (io).

Таким образом, глубинное лексическое значение этой конструкции — в установлении отношений между субъектом (подлежащим) и основным объектом (косвенным дополнением), характер которых выражен глагольной лексемой *look*, *приказ*, т. е. *to give a look = to look*, *отдать приказ = приказать* в денотативном аспекте значения. Более того, авторы отмечают, что Oper1 и Oper3 выражают смыслы, которые, в



принципе, могут входить в значение однословных глаголов. Другими словами, рассматриваемые единицы являются примером межуровневой синонимии, основанной на общности значения и возможности взаимозамены без ущерба для референтной ситуации. Безусловно, неширокозначный глагол, синонимичный широкозначному, в составе словосочетания привносит доподлинное значение качественной характеристики действия, что должно быть учтено при подобной трансформации. Например, *to flash a look = to look quickly*. Русский язык отличается большей идиоматичностью и экспрессивностью подобных структур, хотя можно обнаружить и синонимичные выражения с широкозначным глаголом: *метнуть взгляд — бросить взгляд, предпринять попытку — сделать попытку, но оказать помощь, одержать победу*.

Следовательно, языковое значение конструкции следует искать в других аспектах его значения — прагматическом и коннотативном.

А. А. Уфимцева отмечает, что номинативные единицы (в том числе и расчлененные) детерминированы в их содержании исключительно экстралингвистическими факторами — связями предметов и интенцией, создающих данное расчлененное наименование [13:53].

В связи с этим возникает вопрос о прагматической ценности конструкции по отношению к соотносимому с ней глаголу в двух языках, которая, вероятно, и обуславливает ее выбор говорящим.

Дж. Лич считает, что словосочетание преимущественно используется для придания концу предложения большего семантического веса. Известно, что в английском языке именно эта часть предложения имеет релативное значение, и перенесение туда смыслового центра отвечает коммуникативной задаче высказывания. Различие в коммуникативной задаче у односложного глагола и словосочетания подчеркивается отсутствием в некоторых словосочетаниях традиционного объектного (косвенного) дополнения, составляющего в семантической модели существенную часть пропозиционной структуры. Например, *She gave a reluctant nod. She had a wary smile*. Семантическим центром таких высказываний является прямое дополнение, внимание акцентируется не на факте совершения действия, а на его характере.

Русский, в отличие от английского языка, больше тяготеет к глагольному, чем именному описанию ситуации. Это связано с большей гибкостью и выразительностью глагольной системы, меньшей абстрактностью глаголов, отмечаемой многими исследователями [12:133].

Обращение к предметным именам также обусловлено несовместимостью в глаголах денотата и сигнификата, отмеченной А. А. Уфимцевой, и требуется, по мнению С. Х. Битоковой, для актуализации глагольной лексики [4:18]. В таких случаях, по терминологии А. К. Жолковского и И. А. Мельчука, происходит расщепление предиката. Сходным образом объясняют структуру данной конструкции Ю. В. Попов и Т. П. Трегубович. Они называют отношения между предикатом (*give*) и прямым дополнением (*a look*) интрапредикатными, в которых *give* является фактивным предикатором, роль которого в экспликации экзистенциального статуса предиката [11].

Широкая денотативная функция, которую приобретает отглагольное существительное, создает условия: 1) для качественной характеристики действия, основанной на потенциальных возможностях глагола, лежащего в его основе; 2) для переноса признаков действия в сферу референтной номинации, то есть в связи с использованием прилагательного, имеющего больший номинативный потенциал по сравнению с наречием. Это соображение, на наш взгляд, справедливо в отношении обоих рассматриваемых языков, о чем свидетельствует сам факт существования подобных словосочетаний во многих европейских языках. Следует отметить, что мы не считаем продуктивность этой модели следствием аналитического строя языка, поскольку, во-первых, она не является грамматикализованной конструкцией с регулярным грам-

матическим значением, а во-вторых, такие словосочетания достаточно частотны в русском языке, чтобы быть исключением. Приведенное суждение о несовместности денотата и сигнификата в глаголах носит универсальный характер.

Итак, говоря о прагматической ценности типовых словосочетаний, мы указали на наиболее важные, на наш взгляд, функциональные отличия этих словосочетаний от соотнесенных с ними однословных глаголов в двух языках. Данные словосочетания выполняют в английском языке функцию актуального членения предложения, выдвигая на первый план наиболее важные элементы сообщения, а именно качественную характеристику действия. В русском языке эта функция словосочетаний не выражена, здесь на первый план выходит развертывание глагольного значения, что сообщает повествованию некий динамизм — функция, в равной мере свойственная и английскому языку.

Анализируя стилистическую функцию словосочетаний модели *VNv*, хотелось бы отметить два момента.

Во-первых, использование словосочетаний с отглагольными существительными позволяет, по мнению О. Есперсена, избегать громоздких выражений, поскольку иначе для передачи той же мысли пришлось бы прибегнуть к придаточным предложениям. Эта возможность обусловлена, прежде всего, изменением ранга у подчиненных слов при возведении глагола в ранг существительного, упрощается синтаксическая структура предложения, построенная на основе распространенного словосочетания [6:157]. Наш практический материал подтверждает эту мысль, так как лишь 37 из 266 словосочетаний употреблены без распространяющих элементов, причем в 10 из них использованы неширокозначные глаголы *to crane, to slip, to flash, to steal*, которые сами по себе служат качественному развертыванию действия. В русском переводе их число составляет 8 из 28, причем ни в одном не употреблены русские глаголы, относимые к широкозначным, типа *делать, давать, иметь, получать*, встречаются только их стилистические синонимы: *одарить улыбкой, щериться ухмылкой, бросить взгляд, устроить испытание*.

Во-вторых, отмечается, что в английском языке данная конструкция более свойственна разговорной речи, в то время как соответствующие русские сочетания являются «книжными элементами языка» [14:19]. Количественный анализ, проведенный Э. И. Ефремовой, выявил два полярных функциональных стиля в русском языке: официально-деловой и стиль художественной литературы, в которых глагольно-именные сочетания встречаются соответственно с большей и меньшей частотой. Безусловно, в зависимости от лексического наполнения, конструкция может использоваться во всех стилях, но в наиболее формализованном виде, который с легкостью заменяется соответствующим глаголом, она выступает преимущественно в официально-деловых текстах. В художественной литературе, напротив, используются коннотативно окрашенные варианты, идиоматические средства языка, которые выбираются не только из соображений структурной близости оригиналу, но и как средство стилистической компенсации. Например, *She gave the bottom of my legs the smallest token glance.* — Она скользнула взглядом по моим ботинкам.

Теоретически существующий параллелизм глагольно-именных конструкций свидетельствует о принципиально одинаковом членении мира двумя рассматриваемыми языками, то есть предметно-логический аспект номинации совпадает, но нормы узуального употребления в каждом языке накладывают ограничения на возможность сохранения синтаксической структуры в переводе.

Практическим материалом исследования послужили 267 словосочетаний широкозначного глагола (или синонимичного ему неширокозначного) с отглагольным существительным, образованным по конверсии, отобранных из романа Дж. Фаулза «Волхв» (668 страниц) посредством сплошной выборки, и их соответствия в переводе, выполненном Б. Кузьминским.

Анализ этого материала показал, что подавляющее большинство английских конструкций переводится однословным глаголом, при котором используются различные обстоятельства, выражающие характеристику действия (131 из 267). Например: *For the first time she gave a faint smile.* — Впервые за вечер слабо улыбнулась.

Второй по величине (38) является группа предложений, в которых конструкция переведена при помощи расчлененного наименования. Например: *She gave me an odd little smile, half tender, half mocking, and went away to peel potatoes.* — Одарив меня поддразнивающе-нежной улыбкой, ушла чистить картошку. В этой группе следует выделить подгруппу из 10 словосочетаний, в состав которых входит не отглагольное существительное, что объясняется либо отсутствием соответствующего глагола (напр., *to give a slap across the cheeks* — отвесить пощечину), либо художественным переосмыслением ситуации, результатом которого стал метонимический перенос (напр., *She gave me the briefest glance.* — Вскинула глаза).

Кроме того, в 27 примерах конструкция переведена эллиптическим предложением с существительным, соответствующим отглагольному существительному, а в 53 — глаголом в личной форме. Например: *She gave me a slanting look through the cigarette smoke.* — Косой взгляд сквозь клубы табачного дыма. *She gave me a little bitten-in grin.* — Улыбнулась, закусив губу.

Перевод остальных предложений осуществлен без сохранения указания на ситуацию либо способ описания ситуации, а также без сохранения синтаксической структуры предложения.

Таким образом, функции глагольно-именных словосочетаний в русском и английском языках не совпадают, но пересекаются, что подтверждает сопоставительный анализ англоязычного оригинала и его перевода. В обоих языках словосочетания используются в ущерб кореферентному глаголу для экспликации глагольности действия, а также в целях экономии речи. Однако для русского стиля художественной литературы широкое употребление таких словосочетаний не свойственно, чем и объясняется их относительно редкое использование при переводе и более идиоматичный характер. Перевод конструкции эллиптическим предложением с отглагольным именем или глаголом, употребленными в начале русского предложения, позволяет сохранить функцию актуального членения предложения, выполняемую английским словосочетанием.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Адмони В. Г. Синтаксическая семантика — это семантика синтаксических структур // Проблемы синтаксической семантики: Мат. науч. конф. М., 1976. С. 3-16.
2. Амосова Н. Н. О некоторых типовых конструкциях в английском языке // Вестник Лен. ун-та. № 8. Серия ист., яз. и лит. Вып. 2. 1961.
3. Бархударов Л. С. Глубинная структура предложения в семиотическом аспекте // Проблемы синтаксической семантики: Мат. науч. конф. М., 1976. С. 16-26.
4. Битокова С. Х. Номинативная соотношенность устойчивых глагольных словосочетаний и однословных глаголов // Слово в языке и речи. Нальчик, 1982. С. 17-22.
5. Еремеева Н. И. Типовые глагольно-именные словосочетания в современном английском языке // Словосочетания в германских языках. Л., 1973. С. 4-103.
6. Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958. 404 с.
7. Жолковский А. К., Мельчук И. А. О семантическом синтезе // Проблемы кибернетики. М., 1967. С. 177-238.
8. Коммисаров В. Н. Лингвистика перевода. М., 1980. 166 с.
9. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. М., 1981. 198 с.
10. Лич Дж., Свартвик Я. Коммуникативная грамматика английского языка: На англ. яз. М., 1983. 304 с.
11. Попов Ю. В., Трегубович Т. П. Определения в тексте // Семантика и прагматика синтаксических единств. Калинин, 1981. С. 40-51.
12. Рещер Я. И. Теория перевода и переводоведческая практика: Очерк лингвистической теории перевода. М., 1974. 215 с.

13. Уфимцева А. А. Семантика слова // Аспекты семантических исследований. М., 1980. С. 5–81.
14. Чевельгина Н. Ф. К вопросу о стилистической функции устойчивых глагольно-именных сочетаний // Взаимодействие грамматики и стилистики текста. Алма-Ата, 1988. С. 19–22.
15. Fowles J. The Magus. New York, 1985. 668 p.

## СОЦИОЛОГИЯ

*Марина Владимировна КИНЯШОВА –  
аспирант кафедры социологии  
и социального управления*

УДК 316. 334. 2

### **ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ КАДРОВЫХ АГЕНТСТВ КАК СУБЪЕКТОВ РЫНКА ТРУДА**

*АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается процесс формирования спроса на услуги по подбору персонала в России. Выделены общероссийские и региональные факторы, детерминировавшие становление кадровых агентств как субъектов рынка труда.*

*The demand forming process of the personnel search service Russia is in the center of the author's attention. Russian and regional factors which determined the development of personnel agencies as labour market subjects are analysed.*

Рынок рекрутинговых услуг существует в странах с развитой рыночной экономикой несколько десятков лет. В настоящее время большая часть современных и эффективных систем поиска и отбора персонала (оценка, аттестация) разрабатывается и применяется специализированными фирмами: кадровыми агентствами. В 1990 г. в странах Запада до 70% новых работников уже проходили через кадровые агентства — своего рода «домашние доктора» у фирм. В 1997 году эта цифра приблизилась к 90% [1, с. 24]. Это объясняется тем, что ценность человеческого фактора в условиях рыночной экономики высока. В России до начала рыночных реформ не существовало отрасли услуг по подбору персонала и соответственно кадровых агентств, а также специализированных изданий с информацией о вакансиях. Обостряющаяся конкуренция привела к осознанию ценности каждого сотрудника как важнейшей составляющей экономического потенциала компании, подбор персонала становится самостоятельной сферой бизнеса. Этот вид предпринимательства в России относительно молод: первое кадровое агентство появилось в Москве в 1990 году, в Тюмени — в 1997 году. Появление в России рынка рекрутинговых услуг обусловлено рядом экономических факторов.

Во-первых, исчезла плановая занятость, существовавшая в России до перестройки, отменено распределение выпускников вузов.

Во-вторых, рынок труда тесно связан с финансовым, торговым и другими обслуживаемыми им рынками. В какие сферы потечет капитал, туда же направятся и кадровые потоки. За сменой тенденций на обслуживаемых рынках неизбежно следует изменение спроса на специалистов того или иного профиля. Не так давно возник спрос на квалифицированных менеджеров и специалистов таких новых для России